

83

**КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА**

**ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

**ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА**

СБОРНИК № 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Р. П. В.
1924

3
283-1

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

[1923]

ПИСЬМА С. М. КРАВЧИНСКОГО (СТЕПНЯКА) К В. И. ЗАСУЛИЧ.

(От 1881 по 1894 г.)

I.

Милан, Зимой 1881—1882 г.

Милая Верочка! Очень переположило меня известие, будто вы едете собирать деньги на «Красный Крест», с *рекомендательными письмами* от Турского ¹⁾. Думаю, что тут Анна напутала, потому что очень это было бы комично. Вероятно, вы просто берете у него адреса и имена людей, к которым обращаться.—Разумеется, отчего не иметь в виду и того, что Турский скажет, хотя нужно помнить, что он так рад будет подпрыгнуть так высоко при вашем содействии, что наврет вам не с три, а с тридцать три короба. Но все-таки записать в уголок книжечки, конечно, можно и его имя. Я хочу только сделать вам одно чисто практическое замечание (воздерживаясь от теоретических, так как вы в них не нуждаетесь, конечно). Замечание мое весьма простое: вам именно *ни от кого* рекомендации брать не следует, потому что если хотите сделать дело, т.-е. взаправду собрать что-нибудь, а не произвести демонстрацию, то вам нужно обращаться ко всей публике, а не к какой-нибудь фракции. Ну, а кто вам ко всей публике может дать рекомендации, кроме вашего имени? Обращаясь к какой-нибудь партии, вы разом оттолкнете или охладите, по крайней мере, все прочие. Обращаясь же к людям Турского, вы рискуете еще тем, что и ту партию оттолкнете, к которой они принадлежат, потому что, почем вы знаете, что за народ, с кото-

¹⁾ Турский—старый эмигрант, соредактор Ткачева в «Набате», Л. Д.

рым он в связи состоит, и даже если народ хороший есть между ними, как они на него смотрят?

Вот почему желая, чтобы ваша прекрасная мысль не была испорчена дурным выполнением, я и пишу это письмо.

Ну, до свиданья. Не пишу много, потому что очень занят. Целую Женичку ¹⁾ и благодарю очень за письма, которыми он меня наделял от времени до времени.

Ваш С.

P. S. До последней минуты все ждал вашей польской повести для меня. Отчего вы не прислали? Присылайте, если «Красный Крест» не настолько поглотил вас, что вы забыли и думать про переводы.

II.

В конце 1881 года. Милан.

Вере и Евгению (Дейчу).

Отвечаю вам тотчас же, потому что теперь сравнительно свободен. Спасибо за присылку и за все прошлые и будущие. Я им всегда рад, потому что, живя в одиночестве, всегда приобретаешь необыкновенную радость ко всякой писаной бумажке, кроме разве лавровских писем. Ах, что за канительный человек! О всяком выеденном яйце ему нужно дебаты и дискуссии вести. Я ждал окончательного ответа и сегодня получил опять затяжное письмо. Но я ответил очень решительно и думаю, что теперь он ответит уж окончательно. Напишу.

Ваши объяснения, действительно, разъяснили мне то, чего я не понимал прежде, но знаете, я думаю, что вы ничего не выиграете: факт вашего присоединения не уничтожит возможности прикрываться «Черным Переделом» для бесцельного плеванья в потолок. Помните мое слово.

Посылаю вам желябовскую биографию ²⁾ не заказным, потому что совсем при последних грозах, так что письмо Лаврову с прибавкой рекомендации вашего меня бы совсем в разор ввело. Но ничто не пропало никогда.

Биография мне очень понравилась. Чрезвычайно интересна и, главным образом, не стереотипна. Одно место я зачеркнул—

¹⁾ Уменьшительное от моей революционной клички. Л. Д.

²⁾ Написанную Л. Тихомировым рукопись раньше отдачи ее в печать я отправил Степняку. Л. Д.

это на счет анархии по Прудону и заявления какого-то осла, что он не социалист, а «народник»,—а потом в другом месте, где говорится насчет десятка—двух членов организации «Земля и Воля»: таких слишком точных цифр, по-моему, никогда не следует давать. Это уж слишком откровенно.

Пришлите конец. Мне очень интересно. А если свободны, то пришлите и все биографии разом в виде рекомендованной *рукописи*—это 50 сантимов. Я к тому времени получу последнюю сотню за мою книжку от издателя и буду, стало быть, при деньгах и отошлю назад тоже заказным.

Название «Вольной Русск. Типографии» хорошее. А на книжках можно, мне кажется, написать, чтобы и их лапа была: «напечатана по поручению «Народной Воли»,—это, думаю, женевским политикам не будет «слишком много». Если же им покажется «слишком мало», то можно сказать, что больше нельзя по политическим причинам. Не то, мол, типографию конфискуют.

Насчет написания чего-нибудь я очень не прочь, Женичка, но, ведь, бесплатно я не могу работать и ни за что не буду. Да и никому не советую. Не посоветовал бы даже печатать даровых работ, потому что они всегда хуже, ибо дарованному коню в зубы не смотрят. А хорошо работать даром нашему брату, ей же ей, невозможно. Нужно ренту иметь. Да и почему, наконец, типографчики должны получать плату за труд, а литературщики—нет? Я просто со злости даром не хочу работать. Лучше буду для иностранной публики что-нибудь сооружать. Неужели ты, Женичка, собираешься даром писать?

Напишите, пожалуйста, Верочка, что значит мое заявление о присоединении тоже? Вы пишете так, что как будто вопрос о том, нужно ли или не нужно мне заявлять о своем присоединении, под сомнением? Так мне, по крайней мере, показалось.—Я нахожу, что мое положение таково, что для меня вопроса не может быть, потому что я никогда не отделял себя от партии политического террора и не мог отделять не только потому, что таковы мои теоретические воззрения, но еще по чисто специальным причинам.

Есть случаи, когда перемена убеждений становится уже доказательством не чистосердечия, а легкомыслия, которое в некоторых случаях, где поступки человека затрагивают чужие интересы, становится преступным. Поэтому, например, несмотря на все мое сочувствие той деятельности, которую ставил «Чер.

Пер.», я никогда не мог признать его знамени своим—именно потому, что в нем этот элемент игнорировался. В составлении мертворожденной предварительной программы «Земли и Воли»¹⁾ (Женичкиной) [Рубанчик-Козловой] считал возможным принять участие именно потому, что в нее были внесены прибавки, делавшие возможным для меня оставаться верным и своим убеждениям и,—выражаясь классическим языком,—своему знамени. Это было соединение противоположных до тех пор фракций, а не программа фракции, враждебной той, к которой принадлежу и не могу не принадлежать. Это было то же самое, что, может быть, будет, когда получится в Питере ваше письмо. Стою только разницею, что тогда инициатива соединения принадлежала вам, а теперь—им, что может иметь практически разницу, но никак не теоретическую.

Напишите, пожалуйста, смотрели ли вы иначе на мое участие в программе «Земли и Воли»? Мне было бы очень обидно, если бы это случилось. Ну, до свидания. Целую вас обоих.

Ваш Сергей.

Книжку пришлю, как только выйдет. Но боюсь, что все-таки затянется недели на три. Все затяжно в этом мире, как видно.

III.

Милан. [Весна 1882 г.]

Если В. С. Перовская²⁾ еще жива, то нет ни малейшей возможности упоминать о приводимых здесь фактах, потому что было бы то же, что публично нанести ей самое тяжкое оскорбление. На это никто, считающий себя порядочным человеком, не решится; поэтому необходимо глухо сказать:

«Отец же представлял тип одного из тех самодуров самой низкой породы, которые возможны только в России и притом в дворянской помещичьей среде, развившейся на почве крепостничества, в которой циничское попрание человеческого до-

¹⁾ Степняк имеет в виду созданный П. Б. Аксельродом в 1880 г., после разгрома «Черн. Пер.» новый кружок из молодежи и названный им «З. и В.» (См. Восп. О. К. Булановой).

²⁾ В рукописи биограф. Софьи Перовской, присланной «Исп. Ком.» нам для напечатания, упоминалось о грубом обращении отца с ее матерью; С. Степняк ссватовал опустить эти места.

стоинства матери и жены не сдерживается даже, как у самодуров Островского, хотя какими-нибудь остатками патриархальной веры в святость семьи. Достаточно сказать, что С. ненавидела отца. Она его и презирала... (из 4-й страницы 1-го листка).

Или же В. С. уже нет в живых, тогда, разумеется, можем говорить о ее отношениях к мужу, не стесняясь этими чисто личными соображениями. Но «бросание на колени» нужно выбросить, во всяком случае, просто потому, что это смешно в биографию Софии Перовской вводить. Нужно, по-моему, тогда после выше привед. тирады, «как образчики», привести оба случая с мальчиком и дочерью. Это не требует никаких комментариев.

Но если придется сделать последнее, то *непреренно* нужно упомянуть, что В. С. умерла, чтобы не оставлять читателя в подозрении, что кто-нибудь мог совершить такую ужасную не деликатность относительно В. С.—живой.

Затем относительно других моих поправок я ограничился только легкими поправками языка—где он слишком переходил в нигилистический жаргон, но, главным образом, выбрасыванием того, что, как после было напихано в биографию, так что выходил не очерк жизни С. П., а какая-то мешанина. Историю движения излагать в частной биографии нельзя, потому что пришлось бы повторять это решительно в каждой. К тому же, если уже излагать, то нужно уметь.

Относительно Нечаева лирический дифирамб—это совсем ни к селу, ни к городу попавши—я выбросил еще потому, что апофеоз Нечаева в *издании «Народной Воли»* может повести к весьма невыгодным предположениям относительно воззрений на способы действия этой самой «Народной Воли». Ну, а что из этого воспоследовать может—говорить излишне. Такие вещи терпимы только в *подписанных* произведениях.

Относительно кружка чайковцев и вообще молодежи того времени я сохранил специальные воззрения автора—потому что это все-таки имеет значение, как известная точка зрения, хотя я и не разделяю ее. Я только слегка смягчил те места, где автор слишком уж хвалит через голову,—молодежь того времени вовсе уж такими «божьиими младенцами» не была. Она хотела только попробовать действовать *словом*—тем самым орудием, которым, например, те же социал-демократы, надеются тоже *всего* добиться.

Неужели же и их в «божьи младенцы» произвести?

Что же касается до роли самой Перовской в этом кружке чайковцев, то мне положительно известно, как участнику,—что она была из самых видных. Это уж было бы грубым незнанием фактов,—в чем автор, впрочем, и сам сознается.

Относительно пропуска, заполнений особых делать я никак не могу, потому что ничего не знаю. Соображаю только, что в этом периоде следует поместить ее арест, потом отправку в Крым и, главным образом, жизнь в Крыму (о чем, может быть, лицо это знает), а затем—процесс.

Под М. следует разуметь Мышкина. Не знаю, почему бы его фамилии не напечатать прямо?

В конце я зачеркнул еще одно место, относительно которого предоставляю вам окончательное решение:—это насчет «женского патриотизма» и того, что Перовская считает, что женщины лучше мужчин. Я это сам признаю. Но, полагаю, что это неловко от имени женщины же заявлять. Но это, повторяю, дело только личного вкуса. Если находите, что оставить лучше,—можете всегда восстановить.

Выбросил я также несколько строк и о ее «смерти»,—потому что об этом, если уж говорить, то не так. Молчание лучше той бледной немочи, которую автор преподносит, потому что всякий читатель гораздо лучше это себе без его слов представит—по фактам.

Более серьезных поправок я не делал, потому что для этого нужно бы совсем новую вещь написать. Да и не нужно это. Если выбросить всю солому и весь балласт, то, по-моему, и в своем теперешнем виде эта биографическая заметка очень интересна. Письмо же С. ¹⁾—дивно прекрасно. Автор (или лучше *авторша*, потому что эта вещь несомненно написана женщиной), очевидно, прекрасно знал Перовскую. В его заметке есть просто перлы, которым мы обязаны, конечно, Перовской, а не автору. Но удивительно, как он не сумел обобщить своих фактов и нарисовать фигуру ее хоть приблизительно в настоящую величину.

Мне очень жаль, что у меня не было этой биографии раньше. Не имея никаких почти фактов, кроме газетных и своих старых воспоминаний, я должен был, главным образом, рисовать фигуру, иногда голыми словами. Но общий абрис, как вижу теперь по биографии, оказался очерченным верно. Поэтому, я думаю

¹⁾ Степняк имеет в виду последнее письмо Софьи Перовской к матери.

потом попробовать слить вместе эту биографию со своей для отдельной русской брошюрки. Получится довольно объемистая вещь, но это не беда. А что эта, ваша, будет напечатана, это даже лучше, потому что цитаты и ссылки сильнее действуют, чем собственные сведения. Пока же для своей газ. раб. я этой биографией не пользуюсь совсем, потому что поздно. Моя книжка уже в печати.

Когда будет печататься ваша?

Получил сегодня ваше письмо с Нар. В. и печальным извещением насчет Дм[итра, т.-е. Стефановича, 'незадолго пред тем арестованного. Л. Д.]

Что касается моего письма, то переделаю и первую страницу и то место, где у нас разногласие, потому что оно только видимое. Я хотел сказать, что радикальная и даже *либеральная* Европа, т.-е. та, которая не испугается просто самых средств борьбы нашей—*может* нам сочувствовать. (Под радикальной разумею не исключительно социалистическую и даже не примыкающую к ней, а более широкую часть Европы.) Но для этого необходимо представить ей борьбу в настоящем ее виде,—в том—точь-в-точь, как вы пишете. Но что *теперь* она только забавляется нами, в этом я с вами безусловно согласен.

Эти все переделки пошлю вскоре. Сегодня что-то не охота, а дело терпит. Если будете снова посылать что-нибудь на тот адрес, на который послали Н. В., то вперед употребляйте *внутренний конверт*, а на нем по-италиански Григоровичу, а не Ф., потому что этой последней фамилии никто абсолютно не знает.

Пришлите, пожалуйста, о Хурской речи Пинхуса. Я ведь все-таки хочу об этом говорить, потому что во всяком случае они не правы, нападая на П. за речь в том виде, как я слышал.

IV.

Милан. [Март или апрель 1882 г.]

Милая Верочка! Ваше письмо получил. С Лавровым списываюсь уже прямо и надеюсь, что мы скоро договоримся до заключения. А пока хочу два слова относительно чернопередельского письма сказать. Нет, о письме потом, а теперь хочу по поводу Дмитра поговорить, знаете, факт позволения отправить телеграмму и письмо Женьке—в высшей степени необыкновенный—

наводит меня на предположение еще более необыкновенное: они, вероятно, ведут с ним «переговоры». На эту мысль меня наводит один факт, который сообщаю *только вам под строжайшим секретом*: они уже вели переговоры с Ольгой—я получил об этом от нее письмо, написанное химически, где она рассказывает подробно все, как было. Сущность их в том, что они желали узнать, на каких условиях террористы согласятся не делать новых попыток на царя,—она им заявила, что не может брать на себя представительства партии. Тогда они сами сказали, что желали бы переговорить с кем-нибудь из наиболее влиятельных террористов и называли предпочтительно перед другими Льва. Они предлагали выпустить Ольгу на честное слово, чтобы она предупредила его об этом. Но, боясь измены, Ольга отказалась, а вместо того сказала, что пусть дадут возможность написать к своим ей и для верности еще одному из заключенных и указала на Романенку. Это было глупо с ее стороны, но уж она так сделала. Они, действительно, начали переговоры с Романенкой, но тот совсем надурил: начал их пугать, хватать и грозить. Они потеряли к нему доверие, а вместе с тем и к Ольге, и прекратили всякие переговоры.

В настоящую минуту царю, очевидно, немоготу стало сидеть в Гатчине. Кроме того, короноваться нужно же, наконец, когда-нибудь. Последние телеграммы относительно желания этого остолопа «изучить нигилизм», а что еще вернее, какое-то странное колебание с утверждением приговора по делу 22-х; все это, вместе взятое, показывает, что у них какой-то перелом. Арестовавши Дмитра, очень может быть, что они решили воспользоваться этим, чтобы снова завести прерванные переговоры.

Вы знаете, как они на него смотрят? Что вы об этом думаете? Напишите, нет ли в его письме или лучше, не будет ли чего в его будущих письмах, что поддержало бы такое предположение? Это очень любопытно. Предупреждаю вас нарочно, чтобы вы были внимательны.

Р. S. Знаете, мне кажется, что даже в его письме, где насчет пришествия времени, когда знание и т. д. есть что-то вроде намека на это.

Насчет хлебных работ, милая Верочка, ничего сказать не могу, потому что никакого понятия об упоминаемых вами вещах не имею. Знаю только, что для «Дела» Маццини не годится, потому что там уже лежит вот уже несколько месяцев статья Эльсница о том же, но не печатают из страха перед цензурой.

Из книжки Зола можно несомненно сделать извлечение. Хотя я ее и не читал, но думаю, что будет очень интересно. Но только не разгоняйтесь—сделайте что-нибудь не более листа печатного, чтобы как возможно скорее кончить, потому что иначе без всякого сомнения перехватят. Спешите поэтому во все лопатки. «Основные положения», судя по заглавию, должно быть интересно, но о нем я бы советовал (если уж не чрезвычайно интересно) небольшую рецензию для отдела «новых книг», написать тоже в лист или около. В «Дело» пошлю все, что вам угодно, и ни малейшей мне от этого порухи не будет, просто—потому что я решил совсем не соваться туда с оригинальными статьями. Они этого ужасно не любят, и все жалуются, что переполнены прекрасными статьями, что сотрудников не обещать и т. д. (когда «От. Зап.» жалуются на недостаток их) и если предложат, наконец, что-нибудь, то умоляют ради самого Христа, чтобы поменьше (помните, как Ирландию обкарнали). Все дело в том, что они сами все хотят писать, так как Благосветлиха держит их в черном теле и редакторское жалование самое жалкое, а семьи у них обширные. Поэтому мой покровитель ¹⁾, например, в некоторых книжках является один в трех лицах. Вот почему нужно обладать чисто немецкой цепкостью и настойчивостью Эльеница, чтобы пролезть туда. Я бросил попечения, поэтому и вам не советую—только валять будут. Лучше всего статью о Зола послать через Шмуля ²⁾ в «Устой»—очень хороший журнал, несмотря на свое название, и у Шмуля там рука есть. Он мне предлагал, но я не думаю воспользоваться, потому что нет в виду небольших работ, а с большими в маленький нельзя. Так что и здесь вы мне никакой порухи не сделаете. А «Основные положения» отчего бы чрез того же Жоржа в «Отечественные Записки» не послать? Это самое лучшее, раз он хвалит. В «Дело», повторяю, я готов посылать все, что вам угодно, но что из сего воспоследует?..

Насчет переводов уж абсолютно ничего сказать не могу. Я их совсем забросил, с тех пор, как в Италии,—пробавляюсь ита-лианской беллетристикой и то очень мало. За фр[анцузскими] и иными совсем даже не слежу. Мне кое-что пишет об этом Цакни ³⁾,

¹⁾ Станюкович.

²⁾ С. Клячко, чайковец.

³⁾ Тоже бывш. москов. чайковец. Л. Д.

так как мы вступили с ним в компанию для выбора, но до сих пор он мне ровно ничего путного не посоветовал, кроме двух ничтожных рассказов. А с Чайковским, с которым тоже думал завести об этом дела,—и занят очень и ни малейшими эстетическими способностями не обладает. Так что у меня совсем ничего нет для собственных переводов в «Деле», кроме одного италийского романа, сомнительного по части цензурности.

Как видите—от меня, как от козла молока.

Теперь, покончив с частными делами, хочу поговорить о вашем коллективном послании ¹⁾.—Признаюсь, общее впечатление ужасно тяжелое.

Написано мастерски: ясно, метко, неопровержимо; но от этого еще тяжелее, потому что видишь, что такая сила и такая логика добровольно склоняют голову перед нелогичностью и круглым невежеством. Авторы письма (№ 1) могут быть величайшими героями в мире, но все-таки их неподражаемое послание—дичь такая непроходимая, что просто глазам не веришь. А между тем, эту самую дичь вы сглаживаете, охливаете, заявляете, что она почти-почти что вещь умная, вот только тут да еще вот тут маленькое-премаленькое пятнышко.

Конечно, неприлично и недостойно накидываться по-собачьи. Следует отвечать не только спокойно, сдержанно, но даже ласково, потому что они все-таки наши друзья и прекрасные люди, которых мы любим и уважаем. Зачем же уверять их в том, что вы соглашаетесь с ними во всех почти пунктах, когда из вашего же письма следует, что вы почти ни с чем не согласны? Зачем переворачивать роль и выражать надежду, что соглашение воспоследует, потому что *вы* согласны с ними, а не потому, что надеетесь, что *они* согласятся с вашими доводами, потому что логика на *вашей* стороне.

Обратите внимание на тон их послания (№ 1). Ведь это—оракулы, начальство, одно слово! Как они скандачка все вопросы вершат, в которых ни аза не смыслят! А своим чисто дипломати-

¹⁾ Здесь Степняк говорит о коллективном письме, написанном сообща Плехановым, В. Ив. Засулч и мною Исп. Комитету «Нар. Воли», в ответ на присланное им нам с предложением высказать ему наш взгляд по поводу его стремления захватить власть. Следующую часть этого письма я почти целиком привел в своей статье в «Прол. Рев.» № 8 (20) 1923 г. Л. Д.

ческим письмом вы ведь только поддерживаете и укрепляете в них эти притязания.

Помилуйте, господа,—если вы не решаетесь высказать им прямо и твердо, без всяких обидных резкостей, разумеется, что вы думаете,—то что же остается делать русским юнцам, не имеющим ни вашей силы, ни вашего авторитета? Разве так следовало выразить—раз уже возражать на все их нелепицы, вроде восхитительной фразы: «мы не люди, а хохлы»,—то бишь мы не социалисты и не радикалы, а «просто народовольцы», или на еще лучшие их рассуждения о федерализме, о котором они имеют такое же понятие, как мы с вами о китайской грамоте, о будущности земного шара (экономический район), о Марксе и Блюнчли. Ведь не трудно было уничтожить их за это, да так, чтобы рта открыть не могли. И Жорж это отлично умел бы сделать. К чему же этот медоточиво ласковый, нерешительный тон?

Поймите, что именно таким людям, как они, и не следует ни в каком случае ни малейшей поправки давать. Они и теперь уже ушваются амброзией *власти*—это чувствуется. Им уже нужна не власть для дела, а власть для власти: это очевидно из их неперемennого желанья, чтобы редакция предполагаемого журнала объявила, что она подчиняется им,—а какой же осел не понимает, что на таком расстоянии никакое руководство кружка немислимо. Им, значит, уже просто хочется насладиться сознанием своего всемогущества. И вы этим самым людям пишете такое письмо, которое только способно еще более заставить их занестись в эти ядовитые области, вместо того, чтобы оборвать их на первых же шагах и заставить признать, что есть сила, которая не так-то легко склоняется перед всякими притязаниями—сила мысли, которой «заграница» по традиции всегда была представительницей.

Но все, что я сказал выше, вызвано во мне не столько общим тоном письма, сколько одним заявлением вашего письма, которое меня совсем в тупик поставило: это там, где вы насчет централизма чистосердечное признание делаете. Ну, зачем это? Допустим, что вы признаете, что без некоторого централизма нельзя,—это все признают и больше: всегда признавали. Но разве вы признаете его в той мере, как они? Разве вы видите в нем идеал отношений членов партии между собою, как они это видят? Разве не писал вам Дмитро, что централизм губит ини-

циативу отдельных групп молодежи, что он страшно тормозит дело и т. д.? Разве тот же Пинхус не развивал этого в своих писаниях?

Так для чего же вы всем весом своего авторитета наваливаете именно на ту самую чашку весов, которую они всеми силами нагружают, тогда как теперь нужно как раз противное делать. Заметьте, что в этом вопросе ваши слова, как признание бывших врагов этого направления, имеют огромное, может быть, решающее значение.

Знаете, если вашего письма вы еще не послали, то, по совести, следует это место насчет централизма выбросить. Я просто настаиваю на этом. Мне кажется, что вы даже не имеете *права* (нравственного, конечно) вредить своим вмешательством людям, которые на русской почве борются против злоупотреблений централизации (к числу которых принадлежал и Дмитро, между прочим).

Мне очень понравилось откровенное и прямое признание Жоржа насчет политической деятельности. Тут виден результат мысли, руководимой беспристрастным наблюдением. Ну, а централизм откуда мог взяться? Из наблюдений европейской жизни, что ли?—Едва ли! Это вопрос чисто русский,—только в России, по-моему, человек имеет право, ввиду местных нужд и явлений, принять то или другое решение по этому вопросу, потому что только там он может определить, в какой мере действительно необходимо допущение этого в высшей степени вредного, просто ядовитого элемента.

Своим безусловным признанием централизма вы санкционируете стремления и притязания именно той партии, которая стремится превратить централизацию в чистейшую бюрократию, способную погубить, иссушить в конец революционное дело, если только, как я твердо верю, этому не помешает другая партия, партия свободных отношений, децентрализации, опирающаяся на массу революционной молодежи, слишком возбужденной для того, чтобы помириться с мертвечиной бюрократии. Но этой-то партии, господа, по моему убеждению, вы нанесли тяжелый удар своим письмом.

Ваши С.

V.

Милан. [Весной 1882 г.]

Милая Верочка! Посылаю вам два экземпляра своей книжки— один вам, другой Ане ¹⁾—которая, наконец, вышла. Напишите, пожалуйста, как понравилась. Ведь вы читаете по-италиански— хоть со словарем. Уж потратьте денек времени—буду вам очень благодарен за всякое замечание, хотя бы самое резкое.

Затем должен еще попросить вас сказать откровенно, очень ли вы сердитесь на меня за ваш «профиль» или не очень. Что вы будете сердиться на некоторые места, это я знаю заранее. Но, увы, мне нужно было либо отказаться от своего труда совсем, либо помириться с этой печальной неизбежностью. Но отказаться от него я не хотел: единственная часть моей «Подпольной России», которую я ценю, это именно «профили», потому что я все-таки более других знаю этих людей, и мне хотелось хоть что-нибудь сделать, чтобы их образы не совсем утонули в бурлящей пучине русской политической жизни. Ведь у нас можно последовательно воскликнуть:

Tout passe,	(Все проходит,
Tout fuit:	Все убегает:
L'Espace	Пространство
Efface	Стирает
Le bruit	Шум),

как говорит Виктор Гюго в одной из ориенталей. Почему я думаю, что без меня они могли бы «утонуть»?—О, не от самомнения, даю вам слово. И совершенно искренно говорю, что я вовсе не удовлетворен своей работой. А просто потому, что так сложились обстоятельства. Из действовавших никто, кроме меня, не пишет, не имеет возможности писать и погибнет, по всей вероятности, раньше, чем получит эту возможность. Но, взявшись раз за эту работу, чтобы придать ей хоть какое-нибудь значение, я должен был быть вполне правдивым. Я, конечно, останавливался пред тем, раскрытие чего было бы прямо неделикатностью— и в этом ни вы, никто другой упрекнуть меня не можете. Но я не мог останавливаться пред тем, что просто было бы не совсем приятно как изображаемым, так и их друзьям—с какой бы то

¹⁾ Анна Михайловна Эпштейн, жена Д. А. Клеменца, друг Кравчинского, Засулич и др. старых социалистов, «чайковка». Л. Д.

ни было стороны. Я не говорил того, что на некоторых бросало бы невыгодную тень,—но только в смысле общепринятом, а не исключительном. Точно так и относительно «pudeur»¹⁾—я допускал ее только в общем смысле, но не больше. Что сверх того, то от лукавого, как в тенях, так и в свете. Только придерживаясь такого критерия, можно было нарисовать людей, возможно похожих на живых, а не на куклы или суздальские иконы.

Ну-с,—так напишите же, пожалуйста, насколько мне это удалось вообще и относительно вашей характеристики в частности.

Ваш С.

Если Жорж уже выучился по-итальянски (он ведь собирался), то просьба моя о всяких замечаниях обращается и к нему. Замечания эти будут мне тем дороже, что я надеюсь на французское издание, для которого могу ими воспользоваться, так как хочу его дополнить. Книжка вышла ведь гораздо меньше, чем мне говорили. Я ее сжимал до последней возможности.

VI.

Милан. [Май 1882 г.]

Милая Верочка! Не могу выразить вам, до какой степени мне было горько, что я вас так огорчил. Только что получил ваше письмо и не могу удержаться, чтобы не ответить тотчас же, хотя и очень некогда. Горько мне не потому, чтобы я сознал, что поступил дурно, а просто потому, что вижу, что я вас очень сильно огорчил, гораздо больше даже, чем думал, ну и, конечно, мне это очень неприятно. Хотя, если б вы мне то же, что сказали теперь, написали раньше,—не знаю, вычеркнул ли бы я эти все страницы, кроме двух первых, или нет. Скорее нет,—говорю вам это совершенно откровенно и думаю,—уж воля ваша,—что я не поступил бы не деликатно.

Конечно, против факта неудовольствия никакими возражениями тут не пособить. Я хочу только сказать вам, что вы совершенно неправы, когда утверждаете, что «это чувство довольно распространенное, и на нем основан обычай печатать воспоминания о приятелях только после их смерти». Помилуйте,—во-первых, я не хочу вовсе питать печальной надежды быть свиде-

¹⁾ Стыдливость.

телем вашей смерти. Это раз. Значит, мне предстояло на выбор, либо писать теперь, либо не писать вовсе. Во-вторых, вы абсолютно ошибаетесь в самой сущности вашего утверждения, что воспоминания о людях пишутся только по их смерти. Господь с вами! Не только о Гарибальди целая масса воспоминаний, мемуаров и рассказов есть, но даже о таком, сравнительно, очень мизерном, как Гамбетта, Золя, Додэ и пр., целая литература существует, где описываются не только их наружность и внешние привычки, но и характер, душа со всеми ее тонкими чертами, которые удается уловить читателю. Прочтите хоть де-Амичиса (был в отрывках в «Неделе»). Да, вероятно, и у вашего Поля Алексиса были странички насчет Золя, которые вы наверно бы «вычеркнули». И это неизбежно.

Публика слишком интересуется знаменитыми людьми, чтобы ждать для получения точных сведений о них—их смерти. Есть, правда, другая грань, полагаемая читателю, пишущему о живом человеке: он не может касаться, не совершая не деликатности, его интимной личной жизни, т.-е. его любви, например, и пр. Вот об этом, действительно, только после смерти человека писать можно, и вот это-то вы и смешали с первым. Подобной же не деликатности я абсолютно нигде не совершил.

Кстати, во избежание чего-нибудь, похожего на таковую я, между прочим, и заставил вас бегать по горам «в одиночку»; не мог же я сказать с Дмитрием или Женькой или вообще «амико», так же точно, как не мог сказать, что ввалился к Анке ¹⁾, когда она в постели лежала, и сел к ней на кровать и пр., потому что это могло бы истолковаться иностранцами совсем не по-русски—или потребовало бы обширных пояснений о характере ваших отношений к своему семейству, что было бы тоже совершенно излишне и не деликатно. Я же лишь издали, как только возможно глуше коснулся этого предмета. Пройти же абсолютным молчанием психику было невозможно, потому что иначе была бы неясна нравственная физиономия известного общественного деятеля, сделавшегося историческим.

Итак, мне предстояло либо написать так, как я написал, либо не писать вовсе. Последнего я не хотел сделать просто из сострадания к истории. Во все не думаю, что я изобразил вас

---

¹⁾ Дмитро—Стефанович, Женья—Евгений; амио — друг; Анка—Ан. Мих. Эпштейн.

целиком—говорю совершенно чистосердечно. Мне даже было это просто невозможно, потому что, в сущности, я вас вовсе не так близко знаю. Но согласитесь, что одну сторону вашего характера я угадал. Что ж,—пусть другие дополнят его со временем. Во всяком случае, хоть часть-то наверное будет.

Не знаю, удалось ли мне заставить вас переложить хоть немного гнев на милость? Не думаю, хотя надеюсь, что с течением времени это случится, потому что, повторяю, никаких не деликатностей я не разоблачал и держался безусловно в тех рамках, которых держатся все пишущие о живых людях...

...Печатная полемика немислима, в особенности между товарищами. С Драгомановым я, правда, давно собираюсь полемизировать, потому что он пропечатал для этого достаточно,—но так как теперь мне приходится полемизировать и с вами, поэтому я и жду, чтобы ваши мнения выражены были печатно, так как пока мне полемизировать не с чем. Если бы случилось [бы], что вы почему-либо решите не высказывать печатно этих мнений, а станете нападать на Драгоманова с тех же точек зрения, с каких и я на него нападаю,—то я даже вовсе, может быть, печататься не буду. Затем, раз вы отлично опровергнете Драгоманова, не задев того, чего задевать, по-моему, не следует,—хотя, судя по вашим бурным письмам, на это надежды мало.

Все это я говорю только для того, чтобы выяснить, что своим письмом к Драгоманову я вовсе не считаю себя связанным [какой-нибудь линией поведения]. Оно остается моим личным делом, хотя бы 5½ женеvских эмигрантов сколько угодно на него негодовали.

А в заключение позвольте мне одно замечание по-дружески сделать: это насчет подписи на ваших коллективных вопросных пунктах¹⁾. Вы совершенно напрасно подписались всей оравой. Было бы гораздо лучше подписать одним чьим-нибудь именем—Жоржевским или Женькиным или Пинхусовским²⁾. Говорю это совершенно по-товарищески, потому что, несмотря на нашу будущую полемику, мне, право, даже как-то совестно уверять вас в этом,—я вовсе не смотрю на вас, как на противников и [не] желаю вам делать ничего такого, что бы вас выставило в дурном свете. А эта полдюжина подписей под литературной статейкой именно

¹⁾ Степняк имеет здесь в виду наше «открытое письмо» к Драгоманову.

²⁾ Пав. Бор. Аксельрод.

такова. Подписи, по-моему, имеют смысл в двух случаях: когда констатируется факт, т.-е. в виде ручательства за его достоверность или под программами партий или фракций, как выражение солидарности. А ваши пункты ни то, ни другое. Это просто—литературная статья, написанная против другой такой же, и куча подписей на постороннюю публику произведет впечатление, что вы ими хотите импонировать. Это очень нехорошо—уверяю вас. Неужели вы так же и брошюрку подпишите? Из некоторых мест вашего письма подозреваю, что, кажется, будто—да: вы очень упорно местами «мы» употребляете. Если это так, то это будет ужасно скверно. Просто на-смех вас поднимут. Если уж хотите, то подпишите двумя именами—Жоржа и Евгения или того или другого с Пинхусом или как-нибудь, чтобы не больше парочки, вроде как Маркс с Энгельсом. Потому что вдвоем люди пишут брошюрки и даже книги, но вшестером—не слыхал. И притом имена должны быть литераторов. Ваше, например, извините за предположение, Верочка,—говорю на всякий случай—совсем не годилось бы. Впрочем, вдвоем я отлично знаю, что вы не подпишетесь. А вшестером?.. Извините, если мое предположение, вообще, неверно. Оно вызвано вашими пунктами, которые вы подписали же всем кагалом с столь же малым на то основанием.

VII.

Милан. [Летом 1882 г.]

Милая Верочка! Извините, голубушка, что не отвечал вам так долго. Просто минуты свободной не было, а ведь на обстоятельное письмо все же часа два времени нужно. Дело в том, что по разному стечению обстоятельств к книжке «Дела» мне пришлось переводить не три листа, как рассчитывал, а целых 8 или 9 (из коих половина, к сожалению, только гадательна). Ну да, это к делу не относится и времени отнимает столько же. Теперь мне тоже еще некогда, но главную половину работы кончил и потому легче.

Подробно и обстоятельно напишу в другой раз. Теперь хочу только сказать вам, что со всеми вашими замечаниями насчет Драгомановской ехидности, враждебности, зложелательности, утопительства и т. д. не согласен несколько и все свои тезы, высказанные в первом письме, поддерживаю абсолютно. Теперь

мне излагать подробности некогда, а спорить письменно не буду и впредь. Я уверен, что при личном свидании во многом бы мне удалось бы убедить, но письмами только потеря времени.

Ваше письмо, милая Верочка, о котором вы пишете Анке, что оно «презлое», я таковым вовсе не нахожу. По-моему, оно даже очень лестное, потому что и вы и все кларанцы придаете моему письму Драгоманову такое значение, которого оно, по-моему, совсем не заслуживает ¹⁾. Просто прочитал статью *приятеля* и похвалил,—больше ничего. Дело чисто личное, которое не скрывал, потому что не вижу в нем ничего ни постыдного, ни доблестного, но о котором докладывать публике считаю—ну, как бы сказать... ну, совсем для публики не интересным. Какой публике интерес, кого я хвалю? С какой стати я стану лезть к ней с такими глупостями? Я, мол, хвалю, или благодарю такого-то. Знайте, мол, об этом люди добрые.

Ваш довод, что это необходимо для того, чтобы предупредить со стороны Драгоманова разные «злоупотребления» моим письмом, я решительно не могу признать заслуживающим внимания. Поверьте, что Драгоманов не *злоупотребит* ничем.

Вот почему никакого печатного заявления «благодарности», в том смысле, как вы предлагаете, я делать не думаю. Но зато у меня другой план, который я уже давно собираюсь осуществить—это написать книжечку или, по крайней мере, несколько писем *против* Драгоманова (а теперь придется и за Драгоманова). Я уже давно собираюсь и даже писал об этом Пинхусу, кажется. Эта мысль возникла у меня именно под влиянием нападок на Драгоманова. Они так явно несправедливы (не для партийного, а постороннего человека, для «публики» в обширном смысле, для которой одной и стоит писать ведь), так пропитаны партийным духом, что на постороннего человека абсолютно никакого действия произвести не могут: слишком большое усердие, как всегда, производит действие, обратное желаемому: даже верные нападения тонут в море придираков. А между тем некоторые из основных воззрений Драгоманова я нахожу не «вредными» и еще менее опасными, так что, вообще, эти термины нужно предоставить цензуре, так как мыслей

¹⁾ Прочитав статью Драгоманова, переполненную голословными обвинениями народолюбцев во всевозможных преступлениях, за что, как известно, мы обратились к нему с «Открытым письмом», Степняк не только не возмутился, но, наоборот, написал ему, что благодарит его за это и крепко жмет его руку. Л. Д.

почти вредных и опасных [не признаю],—а ошибочными, неверными и заслуживающими опровержения. Теперь после брошюрок вроде Черкезова и тех, которые будут написаны вашей колонией (извините, ради бога, за сопоставление. Я вовсе не хочу намекнуть, что, мол, будут такие же, потому что это значило бы обидеть вас)—потребность эта, по-моему, еще больше. Кроме того, очень полезно высказать несколько мыслей и о *свободной критике*, вообще, ввиду поднятой бучи. Вот почему брошюрку или ряд писем я решил написать твердо, и уж теперь откладывать в долгий ящик, как до сих пор, не буду, потому что это становится очень важным. Думаю, что и вы, и кларанцы вообще *одобряют* этот план и найдут его гораздо более целесообразным, чем какое бы то ни было «заявление». Едва ли нужно прибавлять, что и «благодарность» войдет в мое произведение в достаточной степени,—уж на этот счет можете быть спокойны. Я даже этим и закончу: в заключение считаю, мол, нужным поблагодарить г. Драгоманова и т. д. ¹⁾

Ну, вот так я теперь жду только, что ваша колония напишет, потому что мне ведь с вами *грызться* придется не меньше, чем с Драгомановым, потому что вопрос, хотя и очень частный, но до такой степени *важный*, как самые *основные* вопросы.

Ну, до свидания, милая Верочка! Кланяйтесь от меня всем, кто посылал мне через ваше посредство то письмецо, очень лестное для меня—право, не схищничая, говорю. Извините, что пишу необстоятельно—некогда. Впрочем, возражения на «поле»; там все скажем друг другу лучше и яснее.

Итак, до свидания.

Ваш С.

А насчет того, что мне будто писать нельзя—это пустяки. Опасных вещей, на всякий случай, не пишите только. Да ведь и так ничего опасного, коли б и хотели, не написать. Поэтому пишите. Пертурб[ации] не из-за книжки, а так вообще. Ну да все равно—глупости.

За этим следует такая приписка Веры Ивановны, вероятно, к Г. В., которому она переслала письмо Кравчинского. (Л. Д.):
...Проберите же хорошенько Драгоманова вопросами. И да поможет нам бог на «поле брани». Книгу отправила. Все благополучно.

¹⁾ Такой брошюры Степняк не опубликовал. Л. Д.

VIII.

Лондон. 31 мая 1889 г. 1).

Милая и дорогая Вера! Мы смертельно виноваты перед вами оба—кто больше, не знаю—что не ответили вам на ваше последнее письмо. Но оно было такое хорошее, все, что мы могли вам отписать, было такое скучное, что, просто, не писалось да и на[строения не было]. Кланяюсь вам земно и жду великодушного прощения.

Я написал бы вам на-днях и без того, так как кризис так или иначе разрешился именно сегодня, так что я надеюсь—таки выцарапаться. А то совсем скучно было. Но сегодня у меня есть еще специальное дело до вас всех, с которого и начинаю. Получили ли вы и ваша группа приглашение от Лафарга на марксистский конгресс в Париже? Если нет, то, вероятно, получите завтра или вместе с этим письмом. Они, было, меня пригласили через одного общего знакомого, который не объяснил мне, что только представители группы приглашаются. Я послал им, не долго думая, свою подпись и получил в ответ чисто французскую благодарность и изъявление всякого удовольствия с приложением вопроса: «от какой группы меня записать»? Конечно, я извинился, мне ни в конгрессе, ни в призывном циркуляре места, очевидно, нет. А между тем очень желательно было бы, чтобы русский социалист был на таком конгрессе. Это произвело бы очень хорошее впечатление в России, да и здесь было бы недурно выяснить солидарность русских социалистов [всех направлений] с течением известного рода. Нас либо политиками-головорезами, либо анархистами считают.

Если бы здоровье позволило Жоржу, было бы чрезвычайно хорошо, если бы он поехал. Что он произвел бы очень хорошее впечатление и не посрамил бы русского имени, это вы сами знаете. Я помню, как еще в мое студенческое время мы зачитывались отчетами интернациональных конгрессов. Теперешняя молодежь будет читать с двойным интересом речи *русского*, особенно,

1) Зимой 1882—1883 г. Степняк возвратился в Женеву, где жила Вера Ивановна и ее друзья. Прожив там несколько лет, он переселился в Лондон, в котором оставался до смерти. По всей вероятности часть его писем,—между его выездом в Лондон (в конце 1884 г. или в начале 1885 г.) и 1889 г.—не сохранилась среди корреспонденции Веры Иван. Л. Д.

если видно будет, что они производят впечатление и были не из последних. Патриотизм, что будешь делать? Я, вы знаете, во многом не согласен с вашей группой, но это не существенно. Агитационное значение будет отличное, и затем пусть люди рассортировываются, как хотят.

Лафарг пишет, что Лаврова они приглашали, но он отказался. Я не понимаю, почему: вероятно потому, что после падения «В[ест.] Н[арод.] В[оли]» он не считает себя представителем какой-нибудь определенной группы, действующей в России. Впрочем, может и по другому чему: кто их там разберет! Я писал Лафаргу, объясняя, почему я лично не могу соваться в этот конгресс, что ваша группа единственная из мне известных, которая удовлетворяет требованиям¹⁾. Вы издаете на русском языке орган научн. соц. и состоите в органической связи с группами рабочих, разделяющих ваши взгляды и даже посылающих вам деньги, собранные из их взносов (о 15 рублях мы слышали. Может теперь и больше стало?). Хотя вы формально и не выбраны ввиду специально русских условий, которые нужно принять во внимание, но вы в такой же степени можете считать себя представителями русских рабочих, как Лафарг и иные. Это я писал Л[афаргу] и думаю, что вы с этим согласитесь. Если нет препятствий со стороны здоровья Жоржа—что самое существенное—то следовало бы, мне кажется, сделать все возможное, чтобы не упустить такого хорошего случая. Напишите, что об этом думаете вы и ваши?

Об вас и о Жорже мы слышали от Вишневецкого—доктора, которого вы, конечно, помните. Он был в Лондоне проездом в Америку и заходил раза два к нам. На нас он произвел впечатление в сумме хорошее. Немного дубоват, немного педант, но человек, кажется, работающий и преданный своей работе бескорыстно. Какое он на вас впечатление произвел? Это нам интересно, потому что в Америке придется с ним иметь дело. Он женат на американке, которую знающие ее хвалят чрезвычайно. Один англичанин, самый симпатичный из всех моих знакомых мужчин, говорит, что она очень умная и образованная.

---

¹⁾ Из этого сообщения Кравчинского ясно, мне кажется, что не обратись Лафарг к нему и не укажи он на группу «Осв. Тр.», она не была бы приглашена на 1-й Конгресс II Интернационала. Л. Д.

IX.

Лондон. Весна 1889 г.

Милая Вера!

Посылаю вам только что полученные первые деньги и полугодовой абонемент на «Социал-Демокр.» с картой, где адрес.

Ввиду такого поощрения, мне не хотелось бы, чтобы вы мой адрес переменили (да и вообще адреса менять без абсолютной нужды не следует во всяком случае. Это первое правило). Так что вы, пожалуйста, не меняйте, что бы там ни было на обложке. Уж я как-нибудь отделаюсь в случае чего.

Да, напишите мне—это мне любопытно, показалось ли вам, что я неверно программу вашей группы в Free Russia ¹⁾ резюмировал? Пинхус корит и сокрушается, а мне [кажется], что я как нельзя лучше сделал—насколько в 4-х строках можно (у меня больше не было места). Очень тороплюсь. Обнимаю вас.

Ваш Сергей.

P. S. Лучше всего дайте мне какой-нибудь женевский адрес, до востребования, по которому я мог бы сказать, что посылаю вам корректуры и все такое, в случае чего. Я пошлю что-нибудь взаправду и тогда все будет [урегулировано] ²⁾.

X.

Лондон 25 сентября 1890 г.

Милая Вера!

Давно собираюсь писать вам, но теперь уже от вас ждать нужно после свидания с Феликсом ³⁾. Пишу два слова на ходу, чтобы поблагодарить за «Социал-Демокр.» и приложить подписные деньги из Болгарии: один из тех двух, которые были под сомнением, так как не знал, от кого из двух первые деньги были. Так что теперь оба, значит, прислали. Я давно разменял, но все

¹⁾ Английский жур. «Свобод. Россия», основанный под влиянием, главным образом, Степняка, возникшего общества «Друзей России», состоявшего из либеральных англичан. Л. Д.

²⁾ Ввиду испытываемого в то время швейцарским правительством неимоверного страха перед русским царем, группа «Освоб. Труда» выставляла на обложках своих изданий «Лондон», как местонахождение ее типографии. Л. Д.

³⁾ Волховский—незадолго пред тем бежавший из Сибири. Л. Д.

хотел написать заодно и тянул. Сумма такая не грандиозная, что, надеюсь, не потерпели.

Прочел перевод. Ничего себе. В нескольких местах заметно, что перевод, а именно в том куске, что мне в корректуре не был прислан. Впрочем, ничего крупно-пелепого, чего боялся, нет. Так что—спасибо. Зачем только вы написали «перевод с английского», это можно было смело опустить.

Так напишите, как Фелике вам понравился и все такое.

Знаете, конечно, что в Америку еду через два месяца на лекционный тур?

Ваш Сергей.

XI.

Лондон 21 марта 1892 г.

Милая Вера и милый Жорж!

Чувствую свою великую вину перед вами за долгое молчание и взываю к вашему великодушию, хотя у меня и есть смягчающие вину обстоятельства: не охота писать, когда все, что можешь сказать, это,—что писать нечего. Из вашего письма, милая Вера, ясно, что мы и вы страдаем одной и той же болезнью: отсутствием денег и связей. Вы ждете этого от нас, а мы от вас. На поверку и выходит, что множится нуль на нуль или *делится*, если хотите представить дело в более оптимистическом свете. (Жорж обучался математике и скажет вам, что эти две вещи несколько разные.) Не то, чтобы у нас не было никаких связей. Связи и люди есть, пожалуй, но все такое никчемное. Путной корреспонденции от них не добьешься, не говоря о деньгах.

О журнале мы давно хлопочем. Сочувствуют, одобряют, поощряют. Но сами ничего не делают, а ожидают дела от нас. Некоторые так прямо заявляют, что раз у нас такая [связь (?) Л. Д.] есть в Англии, нам ничего не стоит собрать денег на журнал среди англичан. Разумеется, дело может перемениться, и из России могут явиться средства либо у нас, либо у вас. Тогда мы и сговоримся о практическом осуществлении союзного действия. Теоретически мы совершенно сходимся. Жоржева брошюрка ¹⁾ полагает конец всяким разногласиям, потому что под его заключительными требованиями мы все подписываемся обеими руками. Скажу только одно: журнал, чтобы составить

¹⁾ Всероссийское разорение, в 1892 г. Л. Д.

заметное явление в русской жизни, должен издаваться не в Швейцарии, а в Лондоне, для чего кому-нибудь из вас нужно будет перебраться сюда; помимо герценовской традиции, которая тоже имеет некоторое, хотя второстепенное значение, тут важен факт, что в Лондоне мы, действительно, сила, а это имеет значение и для прочности предприятия и для постоянства сношений. Да и впечатление на приезжающих русских совсем не то. Это мы видим на тех, кто к нам навещается. А если таково впечатление у тех, кто видит, то таким же оно будет на тех, кто слышит. Подумавши, вы согласитесь со мной. К сожалению, думать об этом еще преждевременно, так как самое дело на воде вилами писано.

Ну, вот в сущности все, что могу сказать по существу. Что касается Общества борьбы с голодом, то ему я ответил особо. Мне о многом нужно бы написать вам, но необходимо кончить, а то письмо залежится, бог знает, сколько; должен не медля ни минуты садиться за апрельские №№. Обнимаю вас крепко.

Ваш Сергей.

Адрес для книг в Америку: [следует].

XII.

Лондон 31/XI 93.

Милая Вера, так тронут вашим очаровательным письмом, что отвечаю мгновенно и посылаю портрет. Давно я не получал более теплого и душевного письма, чем ваше, и мало людей, от которых мне такое письмо было бы настолько приятно получить. Мне в голову не приходило, что мой портрет кому-нибудь может быть интересен (мне вообще портреты не особенно интересны, потому что никогда не передают физиономии), а то бы давно послал.

Очень рад, что вы насчет Дмитра так со мной согласны. Но отчего вы ничего не пишете насчет моего «заключения». Мне говорил, правда, Войнич, который мог напутать и сфантазировать, что ваша компания ругает его ¹⁾, если не самыми последними, то предпоследними словами. Правда ли это? Мне хочется,

¹⁾ Т.-е. «заключение» к «профилю» Стефановича, написанному Степняком в изданной «Фондом Вольной Русской Прессы» на русск. яз. его «Подпольной России». Л. Д.

чтобы вы написали мне об этом в наиболее резкой, даже, если хотите, ругательной форме. Не удивляйтесь и, пожалуйста, исполните, если это правда. Дело в том, что я сам своим заключением не доволен. Не то, чтобы я что передумал. Но из специального чувства эмигрантской деликатности я не договорил некоторых вещей. При чтении в книжке мне кажется, что впечатление в одном пункте получается не то, какое я бы хотел произвести. Поэтому в следующем издании, которое, вероятно, не замедлится, потому что книга идет очень ходко, я хочу написать кое-что в виде пояснения и это лучше всего и приличнее сделать в форме ответа на нападки, вызванные предисловием. Так что, если можете мне написать ругательное письмо, то премного обяжете.

Насчет денег, которые вам должен фонд ¹⁾, уж я беру на себя и обещаю, что первая возможная уплата будет, действительно, сделана вам. Так что вы можете не писать даже предварительных писем Войничу (если они вам специального удовольствия не доставляют) и не тратить на них марок. Уж я похлопочу и обещаю, что не забуду.

Вы вообще несправедливы к Войничу. Положим, каждое его слово и показание не мешает проверить, но врать он не врет. Он фантазирует и опьяняется собственными желаниями и ожиданиями, принимая желаемое и ожидаемое за действительность. Специально же относительно фонда он вам правду сказал, что дела идут хорошо и правду говорит, что, тем не менее, денег нет. Фонд начал дело *без капитала*, агентами его являются тоже люди без капитала. Фонду приходится тормозить своих должников так же безжалостно, как вы до сих пор тормозили Войничу. Фонду приходится поэтому биться, как рыба об лед, и Войнич, несомненно, терпит лично от этой несостоятельности больше кого-нибудь другого. Вот и приходится, стало быть, иметь снисхождение. Не то, чтобы вам не следовало приставать—приставайте или еще лучше передайте это приставание мне, потому что столько пристающих, что нужно о себе напоминать непрерывно—но при этом *не сердитесь*.

Вы спрашиваете, поссорюсь ли я с вами, если вы с фондом расплюетесь? Конечно, нет, никогда не поссорюсь. Если за дело

¹⁾ «Фонд Вольной Русской Прессы», в который, как известно, входили Степняк, Волховский, Шишко, Войнич, Чайковский, Лазарев и Лаз. Гольденберг,— издавал книги и брошюры либерально-конституционного направления. Он брал на комиссию издания гр. «Осв. Тр.», но плохо расплачивался. Л. Д.

поссоритесь, то буду даже на вашей стороне. Но мне будет очень тяжело и обидно за вас, если вы поторопитесь зря, под влиянием ли того нерасположения, которое Войнич внушает лично, либо той дурацкой «принципиальной» вражды и ругани, которая истекает от неких наших парижских благожелателей. Не будьте легковверны и не располагайтесь заранее верить всяким некрасивым обвинениям. Вникните в дело и войдите в положение, как вы бы это сделали со своими людьми. В харьковском деле я опять осведомлялся и пришел к убеждению, что фонд тут не при чем. Павлик провалился. Он взял небольшое количество наших изданий, которые тоже попались. Вот и все. Нашим путем ничего в Харьков доставляемо не было; значит, уже по этому самому наши контрабандисты никого там провалить не могли. Я, впрочем, попрошу еще кое-кого и тогда опять напишу.

Меня просят попросить вас написать, что помните о Чубарове ¹⁾. Вроде как бы «воспоминаний». Это не для печати, а для одной специальной цели.

Крепко обнимаю вас, дорогая Вера, и очень хотел бы повидаться. Вот конгресс будет в Лондоне, авось приедете. Обнимаю Жоржа и всех ваших.

Ваш Сергей.

Пожалуйста, дорогая Вера Ивановна, сообщите все, что знаете про Чубарова. Как можно больше хорошего, облагораживающего. А лучше бы — все, что знаете. Меня об этом давно Анка просит. Целую вас.

Ваша Фанни.

XIII.

Лондон 29 июля 1893 г.

Милая и дорогая Вера!

Мне очень грустно стало от вашего письма, потому что видно, что вы мучаетесь, мне кажется, понапрасну. И напрасно вы откладывали писание. Можно было, кажется, не стесняясь писать, как только захотелось. Теперь дело абсолютно непоправимо, хотя, по-моему, поправлять-то нечего, даже с вашей точки зрения. Дело в том, что так как шрифта в типографии мало, то печатается лист за листом. Все пять тысяч экземпляров всех

¹⁾ Чубаров, как известно, вместе с Лизогубом и Давиденко, был казнен осенью 1879 г. в Одессе. Л. Д.

первых двухсот страниц (по-италиански) уже напечатаны и ждут брошюровки. Выбрасывать что бы то ни было теперь—значит уничтожить издание и набирать новое. Если бы я даже внес такое предложение, кто же на него согласится?

Август 8.

Начал письмо две недели тому назад и за все это время притронуться к нему некогда было. Извините, голубушка, если огорчил вас промедлением.

Продолжаю.

О выбрасывании не может быть и речи. Да я и не вижу в том никакой надобности. Вы сами не знаете, чего вы просите. Когда мы собирались издавать «Подпольную» по-русски, заговаривали люди о том, что X ¹⁾ выпустить, мол, можно. Я, как его друг, этого не захотел. Поймите, что выбросить, это значит осудить так безусловно, что даже возражений не допускать. Сами посудите: одно дело выругать человека, хотя бы и крепко и остаться с ним в приятельских отношениях, и совсем другое, молча указать ему на дверь. А ведь выбрасывание его из русской книги именно равняется этому выбрасыванию за дверь без разговоров. Выругать его я выругал и без этого решительно невозможно было: кроме личных чувств, есть еще и общественные обязанности, главным образом, перед молодежью. Какой урок мы, старики, преподнесем ей, если не выскажемся резко отрицательно по поводу таких кривых действий, как монархическая речь и Чигиринское дело? Хотя, право же, я под влиянием личных чувств (к вам, не могу не сознаться, больше, чем ко всей мужской половине вашего семейства, вместе взятой) выразил это отрицание в самой слабой из возможных форм и выругал Д. вовсе не крепко. Посылаю вам кусок рукописи, где это порицание содержится. Судите сами. Заметьте, что я ругаю чигиринщину в сущности сильнее, чем речь, и в обоих случаях ругаю *принцип*, а не личность, и заметьте еще, что это порицание стоит в середине очерка, как слой касторки между двумя приятными на вкус жидкостями, так что читатель проглотит легко и приятно. В книжке порицание производит очень легкое, может быть, слишком легкое действие. Но все-таки мысль высказана, и мы

¹⁾ Речь идет об издании на русск. яз. «Фондом» книги Степняка «Подпольная Россия», где он довольно резко отозвался о речи Стефановича на суде и по поводу Чигиринского дела; под «X» Степняк имеет в виду «Профиль» Я. Стефановича. Л. Д.

свое дело сделали в смысле предостережения молодых людей от повторения подобных фальшивых вещей. Без этого было бы невозможно, не по совести.

Ну, надеюсь—вы успокоились.

Напишите, как вам понравилась наша парочка, т.-е. Лили специально. Она очень интересный субъект.

Очень обрадовал меня Войнич сообщением, что Жорж нам целый ряд работ обещал. Это будет украшением фирмы и поставит ее сразу на более возвышенный уровень. Особенно много я жду от его философской книжки: Гельвеций, Гегель, Маркс и т. п. Это, наверное, будет капитальный вклад в подпольную литературу и будет иметь огромную продажу. Пусть пишет поскорей. Мы постараемся напечатать скоропечатно, не в очередь с другими. Обнимаю вас обоих.

Ваш Сергей.

XIV.

Лондон 26 декабря 1893 г.

Милая Вера!

Отвечаю вам обоим в нескольких словах, чтобы не затягивать. Книжку Верочке Аксельродовской вышло завтра. Попадет, если не к Рождеству (трудно, потому что письмо ваше в самое Рождество пришло), то к новому году, что одно и то же. Мне очень было тяжело сознание своей беспомощности, когда я письмо Жоржа получил. Будь он в Англии, я уверен, что он составил бы себе и положение, и имя, как один из вождей социалистического движения, и тогда было бы у него работы вволю, и не приходилось бы жилы из себя тянуть, чтобы свести несводимые концы с концами. Но пока он в Швейцарии, для англичан он величина не существующая, и работы его помещать—дело безнадежное, в особенности мало-мальски серьезные. Мемуары, приключения и т. п. вздор—вот единственное, что всюду находит сбыт. Он спрашивает о фонде. Фонд с большим удовольствием сгланет печатать его вещи, когда у него будут деньги, и платить, несомненно, будет, если только у него будет чем платить. Но в настоящую минуту фонд совсем на мели сидит и живет только энергией и фантазией—фантазией в особенности. Это положение может исправиться, но возлагать на него солидные надежды—опасно. Кельч. уверяет и, полагаю, не без основания, что фонду

агенты должны не то 600, не то 800 фунтов. Но агенты не платят, и фонд перебивается из кулька в рогожку.

Вы уцепились за мысль о журнале. Это очень трогательно, что после стольких неудач вы сохранили такую свежесть чувства и розовость надежд. Ну, и исполать вам. Я теперь не в публицистическом настроении (романы и повести пишу и даже «Free Russia» сдал Волховскому) и всю теоретическую часть вашего письма, каюсь, пропустил. Вы находите, что мы с вами согласны во всех существенных пунктах—ну, и прекрасно. Как и почему это уж вам лучше знать. Раз вы это говорите, значит—так. С своей стороны я ничего не имел против того, чтоб работать с вами со всеми даже, когда не знал, что мы с вами во всем согласны. Если мысль о журнале вам улыбается, спишитесь с американцами, возьмите деньги и издавайте, благословясь. Я, с своей стороны, буду поставлять вам беллетристику. Хотя вы Мокревича и предпочитаете, повидимому, но и мои вещи будут не бесполезны. Публика их читает охотно, и у вас будет в придачу—с новым годом (1 января 1894 г.) то, что теперь принято ценить—символ единения душ (кончаю письмо через неделю после написания первой половины).

Ничего, кроме беллетристики, вы от меня ни в каком случае не дождетесь. Беллетристику же надеюсь поставлять без затруднения, ибо пишу и впредь буду все писать по-русски и потом сдаю в перевод.

Если же вам нужно мудрование, исходящее от фонда, то обратитесь к Волховскому и попросите его сотрудничества, буде пожелает. Он, конечно, пообещается, и вы его имя выставите на обложке, как сотрудника. И вот у вас вся литература, исходящая из фонда или, по крайней мере, могущая от одного изойти. Книжный же союз и так установлен, так что о формальном союзе, помоему, вам решительно хлопотать не стоит.

Одна это канитель, из которой к тому же ничего не выйдет, кроме бесконечной переписки.

Ну, вот, милая вы моя, все по существу. Больше боюсь затрагивать, чтобы письмо не отложилось еще на неделю, а то и больше.

Фанни вас целует. Анка живехонька, и мы не далее, как две недели, получили от нее письмо.

Поклон всем вашим.

Ваш Сергей.

Вы спрашиваете, как мне живется? Плохо, голубушка, и кисло. Все время уходит на жалкую работу, которая мне представляется немногим лучше толчения воды в ступе. Я разумею и свою [персону] и фонд несчастный, который ничего, кроме моих (никому ненужных) вещей, издавать не имеет, а между тем из-за этого приходится запускать единственную мне симпатичную работу, — ту, которая влияет, хотя бы и слабо, на миллионы людей, хотя бы и заграничных, и которая, достигнув известной широты, может дать возможность шире действовать и в России. Может, это и фантазия, но мне хочется ее попробовать осуществить, и только к ней у меня способность и расположение. Обнимаю вас, милых, крепко и ваших двух сотрудников тоже.

Ваш Сергей.

На этом письме, вероятно, заканчивалась эта переписка, так как вскоре затем Вера Ивановна поселилась в Лондоне, где, как известно, в конце следующего года (в дек. 1895 г.) Степняк случайно был раздавлен жел.-дорож. поездом. Л. Д.

Из фондов Российской национальной библиотеки

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От Комитета и Редакции	5—7
Признательность	8
✓ Л. Г. Дейч.—Первые шаги группы «Освобождение Труда»	9
Г. В. Плеханов.—А. Н. Радищев (посмертная рукопись)	50
В. В. Позднякова Плеханова.—Детство и отрочество Г. В. Плеханова	83
✓ Р. М. Плеханова.—Наша первая встреча с Ж. Гедом	95
Е. Н. Иенатова.—Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы (воспоминания сестры).	101
✓ О. К. Буланова.—«Черный Передел»	112
И. Гецов.—Типография «Черного Передела»	123
✓ Фр. Энгельс.—Письма к В. И. Засулич	133
Г. В. Плеханов.—Письма к С. Кравчинскому	145
✓ Л. Г. Дейч.—Письма к П. Б. Аксельроду	148
В. И. Засулич.—Письма к С. Кравчинскому	200
✓ С. Кравчинский.—Письма к В. И. Засулич	215
✓ Л. Тихомиров.—Письма к П. Л. Лаврову	245
✓ Ю. Сергеев.—Ушедшие (И. Аксельрод, Б. Гинсбург, А. Любимов, д-р Н. Васильев, А. Зон и Б. Цетлин)	256
Л. Г. Дейч.—Три свежие могилы (А. Успенская, А. Зунделевич и П. Моисеенко)	270
Л. Д.—Смерть Ленина	276
✓ Е. Н. Ковальская.—Печальное недоразумение	278
✓ С. Я. Вольфсон.—Вокруг Плеханова (литературное обозрение произведе- ний о Г. В. Плеханове в 1923 г.)	282
Алфавитный указатель имен	305

ФОТОГРАФИИ: группа «Осв. Тр.», портреты В. Н. и Е. Н. Игнатовых и факсимиле писем Фр. Энгельса.